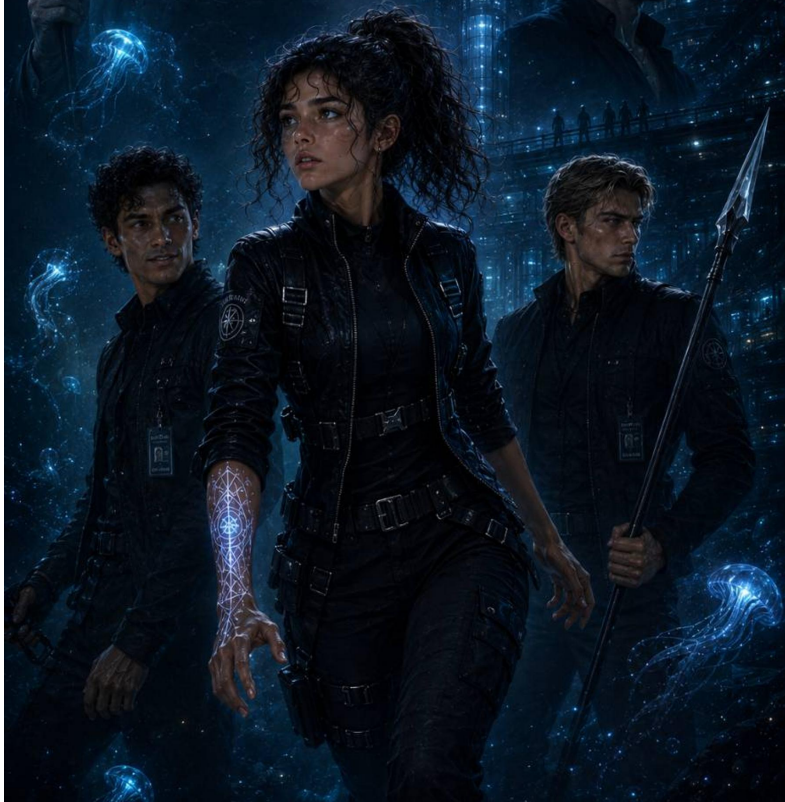

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ ДВА

МАРИАНСКАЯ ВПАДИНА

Кристина Кан

Море волнуется два

<https://litres.ru/74083986>

SelfPub; 2026

Аннотация

После Бермудского треугольника, хора под полом, тихих комнат и людей, которых слишком удобно было называть частью системы, Кире очень хочется поверить, что дальше будет проще. Взрослые обещают именно это: второй курс — обычный исторический этап обучения, научно-исследовательский корпус «Мариана», диагностика дара, кураторы, безопасность, контроль.

Всё официально.

Всё продумано.

Всё, конечно, ради студентов.

Мариана построена в стене Марианской впадины — там, где чёрная вода давит на стекло, коридоры уходят вниз, а океан больше не снаружи. Он везде. Здесь студентов не запирают в тайных комнатах. Здесь их изучают открыто: измеряют дар, фиксируют страх, классифицируют реакции и называют это помощью.

Но глубина отвечает.

Содержание

Глава 1. Второй курс	4
Глава 2. Мариана	65
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Кристина Кан

Море волнуется два

Глава 1. Второй курс

Мой первый курс закончился не расписанием и не торжественной линейкой, а тем, что после Бермудского корпуса нас распустили на каникулы раньше срока. Свой семнадцатый день рождения я встретила дома — среди семьи, школьных друзей и ощущения, что обычная жизнь вернулась только снаружи.

Поэтому, когда я спустилась в столовую и увидела на барной стойке коробку, сердце ухнуло так громко, будто второй курс уже успел постучать изнутри.

Коробка была белая, гладкая, с серебристой печатью школы. Совсем чужая среди маминых документов, вазы с яблоками и нашей слишком дорогой кухни, где тревогу обычно пытались замаскировать уютом.

В углу — аккуратная строка: «Второй курс. Глубинный исследовательский центр». Ниже — номер допуска. Ещё ниже — фамилия.

КАН

У школы был удивительный талант: она могла написать имя человека так, что оно начинало звучать как маркировка

на лабораторном образце.

Я стояла босиком, в старой футболке, когда-то отжатой у отца, и смотрела на коробку как на насекомое в супе. Насекомое, конечно, стерильное, сертифицированное и одобренное Советом по образовательным стандартам. Но суп от этого приятнее не становился.

— Ты не будешь завтракать? — спросила мама.

Екатерина Кан сидела за столом с кружкой кофе и выглядела так, будто не спала примерно с момента рождения юридической системы. Волосы были убраны в низкий пучок, рядом лежали распечатки, планшет и ручка со следами зубов. Мама грызла ручки, когда нервничала. Теперь я умела читать это как отчёт.

— Я думала, завтрак ещё не подали в лабораторной упаковке, — ответила я.

— Но, видимо, ошиблась.

Отец, стоявший у окна с телефоном, даже не обернулся. Плохой знак. Юрий Кан обычно реагировал на мой сарказм как на комаров: не убивал, но раздражался. Сегодня он молчал, будто выбирал тон, который не сделает всё хуже.

— Это не лабораторная упаковка, — сказала мама. — Это форма допуска к транспортировке и комплект адаптационного оборудования.

— Прекрасно, — я покивала. — Я ошиблась. Это не насекомое в супе. Это насекомое с инструкцией по эксплуатации. Мама закрыла глаза на секунду. Отец наконец повернулся.

Он выглядел строгим даже утром. Растрёпанные тёмные волосы чуть вились у висков, серые глаза были усталыми и тяжёлыми. Если бы я не знала его, решила бы, что он сейчас кого-нибудь уволит. Если бы знала хуже, решила бы, что кого-нибудь спасёт. На самом деле отец просто пытался выбрать тон, который не сделает всё хуже.

В этом доме в последние недели все пытались выбрать тон, который не сделает всё хуже. Получалось редко.

— Кира, — сказал он, — второй курс всегда начинается с Марианы.

Вот оно. Главное слово лета: «всегда». Взрослые приклеивали им ужас к нормальности. Если что-то делали достаточно долго, оно начинало звучать почти невиновно: традиция, регламент, исторически сложившаяся программа.

— Да, — я со всей ответственностью кивнула снова. — А тихие комнаты, видимо, были факультативом для особо одарённых традиций.

Тишина пришла сразу.

Не магическая. Обычная. Кухонная. С холодильником, который очень старался шуметь «элитно», с чайником, щёлкнувшим где-то в углу, с солнечным пятном на полу. Но в этой тишине всё равно что-то провалилось.

Мама медленно поставила кружку.

— На втором курсе нет тихих комнат.

— Отлично. А какие там комнаты есть?

— Учебные. Исследовательские. Адаптационные. Диагностические.

— Звучит как меню в ресторане, где каждое блюдо заканчивается вскрытием.

— Кира.

Отец сказал это негромко, но так, что воздух в кухне стал плотнее.

Я посмотрела на него. Хотела ответить сразу, привычно и, как обычно в последнее время, ядовито. Но увидела, как он сжимает телефон: костяшки побелели.

И промолчала.

До Бермудского корпуса родители что-то не договаривали, я принимала это как факт, мама приносила чай, отец делал вид, что не переживает, и жизнь шла своим ходом. Теперь любой разговор упирался не в «вы меня не понимаете»,

а в «вы знали про магию и молчали». С этим было неудобно жить. Этим было неудобно завтракать.

— Мариана не Бермудский корпус, — сказала мама. Она говорила тщательно, как в суде.

— Это научно-исследовательский центр. Второй курс там проходят все студенты. Исторически. Там нет изоляции, нет закрытых учеников, нет системы хорового удержания, нет...

— Нет ничего, что вы нашли в отчётах, — перебила я. — А чего вы не нашли?

Мама замолчала.

Отец отложил телефон на подоконник.

— Мы запросили все доступные материалы по программе второго курса, — сказал он. — Все регламенты, все протоколы безопасности, все медицинские и магические заключения. Екатерина проверила договоры. Я проверил линии допуска. Там не спрятано ничего похожего на то, что было в Бермудском корпусе. Даже намёка нет.

— Похожего, — повторила я.

— Да. Похожего.

— То есть если это будет другое, но такое же мерзкое, формально вы будете правы.

— Я не пытаюсь быть формально правым, — жёстко сказал отец.

Я вздрогнула. Не от страха. От того, что в его голосе наконец треснула осторожность.

Отец выдохнул, как будто сам испугался, что повысил тон.

— Я пытаюсь понять, как отправить тебя туда, где тебе обязаны помочь, и не сойти с ума от мысли, что я снова не смогу стоять рядом.

Вот это было нечестно.

С сарказмом можно было работать. На правила можно было нападать. Документы можно было ненавидеть. Но когда отец говорил так — не как Кан, не как человек с серыми глазами и привычкой держать спину прямо, а как папа, который боится, — у меня внутри всё становилось мягким и злым одновременно.

— Я не хочу, чтобы вы сходили с ума, — сказала я тише. — Я просто не хочу, чтобы вы называли безопасным всё, что написано красивым шрифтом.

— Мы не называем, — сказала мама. — Мы проверяем.

— И что?

Мама провела пальцами по краю коробки.

— По документам Мариана — самый контролируемый корпус школы, — сказала мама. — За каждым студентом закреплён научный куратор, процедуры проходят с записью, медицинским и магическим наблюдением, с правом отказа...

Я рассмеялась.

Не потому что было смешно.

— Простите. Право отказа. Моё любимое. Оно обычно лежит рядом с добровольным согласием, да?

Мама побледнела.

— Мам, — сказала я мягче. — Я понимаю, что ты проверила. Правда. Просто после прошлого раза слова «право», «отказ» и «наблюдение» звучат как упаковка для чего-то, что шевелится.

— Мне тоже сложно, — сказала она, глядя не на меня, а на коробку. — Я юрист, Кира. Я всю жизнь верила, что правильно написанный документ может защитить человека. А потом оказалось, что правильно написанный документ может так же хорошо оформить его использование.

И я вдруг поняла: мама боялась не только за меня. Она боялась за сам фундамент своей жизни — за закон, подписи и слова, которыми защищала людей и которыми другие умели прикрывать преступления.

— Поэтому я проверила всё, что могла, — продолжила мама. — И буду проверять дальше. Не потому что верю им. Потому что не верю.

Отец подошёл к столу и сел напротив меня, хотя я всё ещё стояла у двери.

— Мы не можем отменить второй курс, — сказал отец. — Если ты не пройдёшь Мариану, тебя признают нестабильной. Не как наказание. Потому что твой дар действительно не изучен. Ты сама знаешь, как он реагирует на море, артефакты и сиренные контуры.

Он остановился.

После того, что случилось.

Так взрослые называли конец первого курса, когда не хо-

тели произносить конкретику. Как будто катастрофа была неприличным гостем, которого можно не представлять.

— То есть после того, что случилось, — повторила я, — меня надо положить под стекло и посмотреть, не светится ли что-нибудь ещё.

— Нет.

— Но похоже.

— Да, — сказал отец после паузы. — Похоже. Поэтому мы и говорим с тобой сейчас, а не делаем вид, что это просто поездка на практику.

Я наконец села за стол. Коробка лежала между нами как третья сторона переговоров. На крышке серебрилась печать — не такая, как у Бермудского корпуса: в этих линиях читалась не волна, а вертикаль. Вниз. Вниз. Вниз.

Я коснулась крышки. Внутри что-то едва отозвалось — не звуком, скорее ощущением, будто кожа на предплечье вспомнила холод. Мой дар, образец эмоциональной стабильности, снова решил поучаствовать без приглашения.

— Там комплект формы? — спросила я.

— Не совсем, — сказала мама. — На втором курсе нет такой формы, как в первом корпусе. Мариана использует исследовательские комплекты. Одежда с датчиками, креплениями, защитными слоями. Есть базовый вариант, но допускается индивидуальная подгонка.

— О, прекрасно. Значит, я смогу выглядеть как человек, которого стильно похитила лаборатория.

Мама неожиданно улыбнулась. Слабенько. Но улыбнулась.

— Я попросила убрать всё лишнее из твоего комплекта.

— Что значит лишнее?

— То, что можно использовать для постоянного считывания вне учебных зон.

Я посмотрела на неё с новым уважением.

— Мам, ты только что сказала самую романтическую фразу за всё время. Зачем ты всё это время скрывала, что любишь меня?

— Не привыкай. Я всё ещё считаю, что тебе нужна нормальная обувь, а не то, что ты называешь «ботинки, которым доверяю больше, чем людям».

— Они хотя бы ни разу не отправляли меня в магическую школу без предупреждения.

— Ботинки не умеют подписывать образовательные договоры.

— Вот именно. Идеальные взрослые.

Отец прикрыл глаза ладонью. Возможно, он молился. Возможно, жалел, что у него нет кнопки выключения для меня. Или хотя бы функции «сарказм: минимальный режим».

Завтрак всё-таки состоялся.

Я ела тост с сыром, который не чувствовала на вкус, и слушала программу: Марианская впадина, глубинный корпус, исследование дара, кураторы, психологическое сопровождение, устойчивость к давлению, историческая часть.

Историческая часть, конечно. В магическом мире всё самое подозрительное обязательно было историческим. Если ребёнка ставили под стекло — историческая необходимость. Если бывших учеников прятали под корпусом — историческая ошибка, оформленная задним числом. Если семнадцатилетних отправляли в Марианскую впадину — исторический этап обучения.

Родители, судя по всему, вопросы задавали. Много. Мама показывала пометки, отец — список контактов, доступных мне в любой момент. Рей был в списке. Кристиан — нет.

Я заметила это сразу.

— Кристиана нет в контактах.

Мама посмотрела на отца.

Отец посмотрел на кофе.

Я отложила тост.

— Что?

— Кристиан Ллойд, — осторожно сказала мама, — будет в Мариане.

— Это не ответ на вопрос. Это начало проблемы.

— Он будет там с профессором Реем, — сказал отец. — Не как студент. Как ассистент и как... участник отдельной диагностики.

Я почувствовала, как внутри что-то холодно сжалось.

— Копьё.

— Да.

Кристиан после финала первого курса выглядел так, будто

выжил только потому, что слишком хорошо умел не падать. Его артефакт — длинное тёмное копьё с серебристым накопником — больше не был просто направляющим предметом. В нём остался приказ. Или след приказа. Или тень того, что Александр Ллойд пытался сделать с собственным сыном.

Маги любили разные формулировки. «Остаточный контур». «Фрагмент волевого сцепления». «Риск вторичного резонанса». Я называла это проще: в копьё осталась мерзость.

— Его отправляют туда, потому что Мариана единственное место, где можно это проверить?

— Да, — сказал отец. — И потому что Рей настоял, чтобы диагностика проходила под его контролем.

— Рей настоял. То есть Совет хотел иначе.

Мама и отец снова переглянулись. В этом доме переглядывания родителей стали отдельной системой сигнализации.

— Совет хотел временно изолировать Кристиана от образовательных потоков, — сказала мама. — До полной оценки рисков.

Я фыркнула.

— Конечно. После того как его отец попытался превратить его в первый голос, логичнее всего изолировать Кристиана. Не Александра, который сбежал. Не протоколы. Не взрослых, которые всё просмотрели. Кристиана.

— Александр объявлен в розыск, — сказал отец.

— Очень за него рада. Надеюсь, объявление красивое.

— Кира.

— Что? Я серьёзно. Может, там его фото с тростью и подпись: «Видели этого человека? Не давайте ему детей, артефакты и доступ к школьным подвалам».

Мама закрыла лицо рукой.

— Рей считает, что оставлять Кристиана наверху опаснее, — сказал отец. — Для самого Кристиана тоже. В Мариане есть оборудование для глубинной диагностики артефактов. И Рей будет рядом.

Я хотела спросить, будет ли Кристиан рядом со мной. Не как романтическая героиня, ждущая холодного парня у окна, а как человек, который видел, как он держался в белой комнате, и теперь не мог спокойно думать, что его снова будут измерять и решать, насколько он опасен.

Но я не спросила. Родители и так слишком внимательно за мной наблюдали.

Наблюдение. Восхитительное слово. Уже началось, а я ещё даже не села в транспорт.

— Он уже был в Мариане, да? — спросила я вместо этого.

Отец кивнул.

— На втором курсе. Все проходят.

— Значит, он знает, что там будет.

— Официальную часть — да.

— То есть неофициальная все-таки есть?

Отец промолчал.

И этого было достаточно.

После завтрака я забрала коробку к себе.

Комната выглядела почти как раньше: кровать, книги, лампа, шторы, которые мама хотела заменить. Но на столе лежали магические схемы, на подоконнике — ракушка с острова, в ящике — письма Алтее, которые я не знала, куда отправлять.

На стене висела карта магических морских территорий. Внизу — Бермудский треугольник. Дальше, почти на другом конце мира, — Марианская впадина.

Между ними было слишком много воды.

Я положила коробку на кровать и открыла.

Внутри лежала одежда.

Не форма первого курса. Не юбка, не пиджак, не галстук, который постоянно казался частью чьей-то плохой идеи о дисциплине. Это был чёрный исследовательский комплект: плотные брюки, мягкий высокий топ, куртка с узкими ремнями и аккуратными креплениями, пояс, перчатки, ботинки. Всё матовое, тяжёлое на вид, но неожиданно лёгкое в руках.

На внутренней стороне куртки был тонкий серебристый шов. Я провела по нему пальцем. Шов вспыхнул на секунду и погас.

— Ну здравствуй, одежда, которая наверняка знает обо мне больше, чем я.

На дне коробки лежал браслет.

Уже активный.

Тонкая чёрная полоска с серебристым внутренним контуром. Не украшение. Не совсем прибор. Не совсем наручни-

ки.

Самые опасные вещи в магическом мире почему-то всегда находились посередине между категориями. Не артефакт, не оружие, не контроль, не помощь. Просто «комплексный адаптационный модуль». Попробуй возненавидь официально.

Я не стала его надевать.

Вместо этого взяла телефон.

В чате нашей маленькой группы было сорок три непрочитанных сообщения.

Тимур:*ну что, кто-нибудь уже получил коробку смерти или только я один такой счастливый?*

Лиза:*Это не коробка смерти. Это комплект второго курса.*

Тимур:*у тебя талант делать любую фразу хуже*

Тина:*Получила. Браслет не надевайте до инструкции.*

Тобиас:*поздно*

Лиза:*Ты надел?*

Тобиас:*я хотел проверить*

Тимур:*гениально, и что? все норм?*

Тобиас:*он сказал мне пульс*

Тимур:*и всё?*

Тобиас:*и предложил дыхательное чёто-там*

Тимур:*поздравляю, тебя уже воспитывает браслет*

Зик:*Браслет, судя по маркировке, не просто считывает пульс. Там есть ментально-магический канал низкой ак-*

тивности. Не активизируйте без куратора. Серьёзно.

Тимур:*Зик, ты умеешь писать так, что даже «доброе утро» звучит как начало расследования убийства*

Зик:*Доброе утро. Не надевайте браслеты.*

Я впервые за утро улыбнулась по-настоящему.

Пальцы сами набрали:

Коробку получила, браслет не надела. Пока считаю себя морально выше Тобиаса.

Тобиас:*я проверял безопасность*

Кира:*Ты проверил, что браслет умеет считать твой пульс и стыдит тебя за дыхание. Вклад в науку огромный.*

Тимур:*Кан вернулась, мариана обречена*

Лиза:*Никто не обречён. Просто надо внимательно читать документы.*

Тина:*И не делать того, что первым приходит в голову.*

Тимур:*то есть не ехать?*

Лиза:*Мне кажется, это нельзя считать действующим советом, если транспорт уже завтра.*

Я уставилась на слово «завтра».

Оно было маленькое. Неприлично маленькое для того, что означало.

Завтра я снова уеду.

Не в обычную школу. Не на море. Не в лагерь. Не в место, где можно писать Ане странные сообщения и делать вид, что у меня просто «сложный учебный год».

Завтра я спущусь в Марианскую впадину, где взрослые в белых, чёрных или идеально отглаженных костюмах будут смотреть на мой дар так, будто внутри неё спрятана схема, которую можно прочесть, если нажать достаточно аккуратно.

Телефон завибрировал снова.

Кристиан: *Не надевай браслет до прибытия.*

Я чуть не выронила телефон.

Сообщение было без приветствия. Разумеется. Зачем тратить буквы на человеческие формы жизни.

Я набрала:

Привет, Кристиан. Как приятно, что ты жив и по-прежнему умеешь начинать разговор так, будто пишешь инструкцию к токсичному оборудованию.

Ответ пришёл почти сразу.

Кристиан:*Привет. Не надевай браслет.*

Кира:*Я уже поняла. Это новая версия «как дела»?*

Кристиан:*Как дела?*

Я посмотрела на экран.

Потом на коробку. На браслет. На свою руку, где под кожей еле заметно серебрились линии.

Кира:*Прекрасно. Мне прислали одежду глубоководного агента, родители пытаются продать Мариану как санаторий для дара, и я планирую не умереть хотя бы до обеда. А у тебя?*

Кристиан:*Рей забирает меня с собой.*

Кира:*Я знаю.*

Кристиан:*Тогда ты знаешь не всё.*

Сердце неприятно дрогнуло.

Я села на край кровати.

Кира:*Что, говори.*

Пауза длилась слишком долго. Кристиан умел молчать даже в переписке так, что хотелось кинуть телефон в стену.

Кристиан: *Мариана не опасна так, как Бермудский корпус.*

Кира: *Вот вообще не успокоил.*

Кристиан: *Она опасна иначе.*

Я перечитала фразу несколько раз.

За окном обычный город шумел обычной жизнью. Где-то кто-то сигналил. На детской площадке кто-то смеялся. Мир был нахально нормальным. Как будто я не сидела на кровати рядом с коробкой, которая пахла холодным пластиком и чужими правилами.

Кира: *Ты был там.*

Кристиан: *Да.*

Кира: *И?*

Кристиан: *Не показывай на что способна.*

Я закрыла глаза.

Конечно.

Кристиан Ллойд мог написать «мне было страшно», «там сложно», «я не хочу туда возвращаться». Но вместо этого написал главное правило выживания, потому что, видимо, чувства в его семье тоже проходили через протокол согласования.

Кира: *Это всё?*

Кристиан: *Нет. Не спорь с формулировками в первый день. Не злись при кураторе. Не шути в отчёте.*

Кира: *То есть ты предлагаешь мне перестать быть собой. Потрясающая стратегия. Долго тренировался?*

Ответа не было.

И я сразу поняла, что попала.

Хотела язвить. Попала в рану.

Кристиан: *Я действительно долго тренировался.*

Я сидела неподвижно.

Экран светился в руках.

Кристиан: *В Мариане правильно реагировать важнее, чем честно реагировать. Я говорю не потому, что считаю это нормальным. Я говорю потому, что знаю.*

Кира: *А если я не хочу правильно?*

Кристиан: *Тогда будь готова к тому, что они назовут это данными.*

В комнате стало холоднее.

Не физически. Просто я вдруг очень ясно увидела Мариану — не как станцию в глубине, не как стекло и свет, а как место, где любую мою злость можно будет аккуратно записать. Любую шутку — классифицировать. Любую вспышку — привязать к профилю дара. Любой страх — назвать наблюдением.

Я написала: *Я не хочу быть данными.*

Кристиан: *Я знаю.*

И почему-то именно это «я знаю» оказалось хуже всех предупреждений.

Я долго смотрела на экран. Потом положила телефон рядом с коробкой.

Первый курс закончился, но обычная жизнь не вернулась.

Она пыталась: я спала до полудня, ела хлопья прямо из коробки, смотрела тупые видео и несколько раз встречалась с Аней, слушая обычные драмы про ссоры, фотки и новый цвет волос.

Я смеялась в нужных местах. Кивала. Делала вид, что моя самая большая проблема — как объяснить год отсутствия без фразы «я училась на острове в Бермудском треугольнике, где маги использовали бывших учеников как часть защитной системы».

Аня не спрашивала слишком много. Однажды она принесла мне новую плюшевую акулу — маленькую, синюю, с глупым выражением морды.

— Эта выглядит так, будто знает меньше ужасов, — сказала она. — Предыдущая явно была слишком мудрая.

Я тогда чуть не расплакалась. Не из-за акулы. Из-за того, что кто-то пытался помочь мне без протокола, диагностики и слов «ради твоей безопасности».

Но нормальность всё равно не держалась. Вода в ванной иногда темнела на секунду, в зеркале мелькало белое движение, ночью снилась стеклянная стена. Однажды я проснулась на полу у кровати и поняла, что шепчу имена.

Марина. Екатерина. Бойд. София. Аделина.

Потом неизвестные.

Мама утром укрыла меня пледом и ничего не спросила. Это было хуже вопросов.

Я не хотела быть героиней. Героиня — удобное слово для

человека, которого можно снова позвать туда, где страшно. Я хотела быть просто девочкой, пережившей первый курс и получившей законное право на скуку. Но мир не возвращал права просто так. Он прислал коробку.

К обеду я разобрала комплект, сложила вещи обратно, браслет оставила на столе и долго стояла перед зеркалом, пытаясь собрать волосы.

Кудри сопротивлялись героически: каре чуть ниже подбородка жило собственной политической жизнью. Для Марианы хотелось выглядеть практичнее, собраннее, менее похоже на человека, который пришёл спорить с бездной с помощью укладки.

Получился маленький высокий хвост, из которого сразу выбились пряди.

— Отлично, — сказала я отражению. — Вид: «пережила катастрофу, собралась на дно океана, расчёску победить не смогла».

Я надела куртку из комплекта. Она села идеально. Слишком идеально, будто с меня снимали мерки во сне.

— Нет. Вот это уже личное.

В дверь постучали.

— Можно? — спросила мама.

Я расстегнула куртку до середины.

— Да.

Мама вошла и остановилась.

— Тебе идёт.

— Не начинай. Это одежда, которая выглядит так, будто у неё есть отдельный договор с моими страхами.

— И всё-таки идёт.

Мама подошла ближе, поправила ремень на плече. Движение было таким обычным, таким домашним, что я вдруг снова почувствовала себя маленькой, а не возможным береговым профилем.

— Мы можем ещё раз запросить индивидуальную корректировку, — сказала мама. — Если что-то неудобно.

— Неудобно, что она существует.

— Это сложнее поправить.

— Вот поэтому ты и юрист, а не волшебница.

Мама улыбнулась краем губ.

Потом увидела браслет на столе.

— Не надела?

— Все, кто умнее Тобиаса, не надели.

— Это высокая планка?

— Утром была низкая. Но он уже провёл эксперимент на себе, так что теперь у нас есть данные.

Мама покачала головой.

— Я хочу, чтобы ты знала: если там будет что-то, что нарушает твои права, ты пишешь мне сразу. Не после. Не когда будет удобно. Не когда решишь, что справишься. Сразу.

— Мам, если там будут нарушать мои права, они, скорее всего, назовут это «расширенной адаптацией».

— Тогда ты пишешь мне фразу «расширенная адапта-

ция».

Я посмотрела на неё.

Мама была серьёзна.

— Это код? — спросила я.

— Это повод для меня начать звонить людям в таком порядке, который им не понравится.

— Звучит почти утешительно.

— Почти?

— Я оставляю место для роста.

Мама села на край кровати. Некоторое время мы молчали.

— Ты злишься на нас, — сказала она наконец.

Это было не вопросом.

Я прислонилась к столу.

— Да.

— Правильно.

— Мам.

— Нет. Правильно. Мы молчали о магии. Мы думали, что защищаем тебя. Возможно, в какой-то момент это и было защитой. А потом стало ложью. Я не хочу сейчас делать вид, что если мы очень волнуемся, то всё исправили.

Я не знала, что ответить.

Мама редко говорила так прямо. Обычно она строила фразы как мосты: аккуратно, чтобы пройти по ним и никого не утопить. Сейчас моста не было. Только вода.

— Я злюсь. Но я всё равно не хочу, чтобы вы исчезли из моей жизни. Это ужасно неудобное сочетание. Кто вообще

проектировал подростковую психику? Я хочу подать жалобу. Мама тихо рассмеялась. Потом потянулась и обняла меня. Я сначала стояла напряжённо. Потом всё-таки обняла в ответ.

От мамы пахло кофе, духами и бумагой. Не магией. Не морем. Домом.

Это было опасно. Дом напоминал, что есть что терять.

Вечером мы ужинали вместе. Отец приготовил пасту и пересолил соус. Никто не сказал. Семейная солидарность иногда выражалась в коллективном употреблении соли.

На столе снова лежали документы.

— Пап, — сказала я, накручивая спагетти на вилку, — у нас дома есть правило, запрещающее класть магические бумаги рядом с едой?

— Нет.

— Надо ввести. У меня паста смотрит на протоколы и теряет вкус к жизни.

Отец отодвинул верхнюю распечатку.

— Это маршрут. Атлантический узел, Тихоокеанский коридор, спусковой модуль Марианы. Первые два этапа — порталные, последний — физический спуск.

— Почему нельзя порталом сразу внутрь станции?

— Давление, защита, древние ограничения территории и политика морских народов, — сказал отец.

— Прекрасно. Четыре причины, и каждая звучит как отдельная смерть.

— Порталы на глубине нестабильны, — добавила мама.

— Особенно после событий в Бермудском корпусе.

— Всё после Бермудского корпуса звучит нестабильно.

Даже я.

— Ты не нестабильна, — сказал отец слишком быстро.

Я подняла бровь.

Он понял ошибку.

— Ты не сводишься к этому слову.

— Уже лучше.

Отец устало улыбнулся.

— Учусь.

Было странно видеть, как родители заново учатся говорить со мной. Как будто они тоже прошли первый курс, только без расписания и формы.

После ужина мама ушла на очередной звонок с юристом Совета. Отец остался мыть посуду. Я помогала вытирать тарелки, хотя обычно это занятие считала разновидностью бытового наказания.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я ехала.

Отец не сразу ответил.

Вода шумела в раковине.

— Нет, — сказал он наконец. — Не хочу.

— Но говоришь, что надо.

— Да.

— Это взрослая версия предательства?

Он выключил воду и посмотрел на меня.

— Это взрослая версия бессилия.

Я опустила глаза.

Отец взял полотенце, но тарелку не вытер. Просто держал её.

— Я могу забрать тебя и спрятать. Могу попробовать. На какое-то время. Но твой дар не исчезнет. Море не перестанет реагировать. Совет не перестанет интересоваться. Александр не станет менее опасен. А ты... ты не будешь в безопасности просто потому, что мы закроем дверь.

— На первом курсе дверь тоже не помогла, — пробормотала я.

Отец не улыбнулся.

— Именно.

Я прислонилась к столешнице.

— А если Мариана хуже?

— Тогда ты не будешь одна.

— Это все говорят.

— Я знаю. Но я говорю не как школа. Я говорю как человек, который уже ошибся и больше не имеет права на удобную веру.

Он сказал это так спокойно, что стало больно.

Я кивнула.

— Я буду писать.

— Не только когда всё плохо.

— Пап.

— Не только когда всё плохо, — повторил он. — Я хочу

знать не только катастрофы. Я хочу знать, что ты ела. Кто тебя бесит. Что сказал Тимур. Почему Лиза снова права. Что сделал Тобиас. Как там... Зик?

— Зик, — подтвердила я. — Он, скорее всего, уже построил модель смерти от браслета.

— Вот. Пиши и это.

— Ты хочешь сплетни со дна океана?

— Я хочу дочь со дна океана.

Я отвернулась к окну.

Иногда отец был невыносим именно потому, что мог сказать простую фразу и сломать мне всю оборону.

Перед сном мама всё-таки настояла на официальном вводном сообщении Марианы.

— Это обязательная часть подготовки, — сказала она.

— С каких пор мы выполняем обязательные части подготовки добровольно?

— С тех пор как я хочу знать, какие именно слова они используют до того, как ты их услышишь без меня.

Аргумент был неприятно разумный.

Мы сели в гостиной. Отец принёс ноутбук, мама открыла защищённую ссылку, я устроилась на диване с плюшевой акулой как моральным адвокатом. На экране появилась тёмная вода, серебристая вертикаль станции и тонкая линия света, уходящая вниз, словно кто-то провёл ножом по чёрной ткани.

Потом возник мужчина лет сорока в идеально застёгнутом тёмном кителе. Внизу подпись: «доктор Аркадий Велес. Координатор вводной программы второго курса. Корпус «Мариана»».

— Уважаемые студенты второго курса, — начал он. — От имени исследовательского совета корпуса «Мариана» приветствую вас на глубинном этапе обучения.

— От имени бездны тоже передают привет?

Мама поставила видео на паузу.

— Мы можем смотреть с комментариями или без?

— Я могу обещать только с комментариями тише.

Доктор Велес рассказывал красиво. Про историческую преемственность, стабилизированное глубинное давление, индивидуальные траектории, кураторов и безопасность как

«абсолютный приоритет корпуса».

— Пап, если кто-то говорит «абсолютный приоритет», значит, есть ещё приоритеты, которые уже спорят с ним за кресло?

На экране сменялись стеклянные лаборатории, студенты в чёрных комплектах, светящиеся схемы и огромные окна с чёрной водой за ними. Все улыбались. Особенно те, кто сидел в диагностических креслах.

— У них там отдельный курс «как улыбаться, когда тебя подключили к непонятной штуке»?

— Это рекламный ролик, — сказал отец. — Не протокол допроса.

— Пока.

Дальше выпускники рассказывали, как Мариана помогла им «узнать себя глубже», «принять структуру дара», «понять собственные границы» и «перестать бояться силы».

Они могли говорить правду. В этом и была проблема. Мариана могла действительно помогать. Там могли спасать детей от собственного дара. Мир не был обязан быть удобно злодейским.

Тихие комнаты было проще ненавидеть. Они прятались. Мариана, судя по ролику, ничего не прятала. Она гордилась собой.

— Они все говорят одинаково, — сказала я. — «Узнать себя», «границы», «структура», «безопасность». Как будто им выдали словарь нормальной благодарности.

Отец перемотал назад, потом вперёд.

— Ты права. Формулировки слишком схожи.

— Или выбирали тех, кто звучит правильно, — сказала я.

На экране появилась девушка лет семнадцати с тяжёлыми тёмными косами и спокойной улыбкой.

— До Марианы я боялась своей магии, — сказала она.

— Теперь я понимаю, что контроль — это забота о себе и окружающих.

Контроль — это забота.

Можно было вышить на подушке и подарить Александру Ллойд, если его когда-нибудь поймают и запрут в месте с плохим интерьером.

Отец остановил видео.

— Хватит на сегодня.

— Нет, досмотрим. Я хочу знать не только что меня ждёт, а как они хотят, чтобы я это называла.

Мама молча включила дальше.

Следующий блок назывался «Право студента на информированное участие». Голос Велеса стал ещё мягче: каждый студент может знать цель процедуры, задавать вопросы, фиксировать дискомфорт и приостанавливать участие «в рамках утверждённого адаптационного протокола».

— Приостанавливать в рамках, — повторила я. — Перевожу: можно отказаться, если отказ заранее предусмотрен.

— В договоре есть отдельный пункт о полном отказе, — сказала мама.

— И что будет при полном отказе?

Отец ответил за неё:

— Оценка нестабильности профиля. Дополнительная комиссия. Возможное временное ограничение доступа к некоторым практикам.

— То есть можно отказаться. Просто потом тебя объявят проблемой.

— Да, — сказал отец честно.

На экране доктор Велес улыбался и говорил: «Мы не ищем, как использовать ваш дар. Мы ищем, как помочь вам понять его».

Именно поэтому Мариана пугала.

Не потому что выглядела как зло.

А потому что выглядела как шанс.

Я закрыла ноутбук прежде, чем ролик закончился.

— Я не хочу ехать туда уже ненавидящей, — сказала я неожиданно для самой себя.

— Тогда не надо, — сказал отец.

— Но если не ненавидеть, можно расслабиться. А если расслабиться...

— Можно пропустить удар, — закончила мама.

Я кивнула.

Мама отложила блокнот.

— Ненависть не единственный способ не расслабляться.

— А какие ещё есть? Подозрительность? Паранойя? Юридическая грамотность?

— Все три, — сказала мама. — Но ещё внимание.

Отец сел рядом.

— Ты можешь смотреть и не верить сразу. Принимать помощь и не отдавать себя целиком. Соглашаться на урок, но не соглашаться стать материалом.

— Звучит сложно.

— Да.

— В рекламном ролике это не упоминали.

— Потому что честные ролики редко набирают студентов.

Мама развернула ко мне распечатку.

— Три вещи. Любая процедура должна иметь название и цель. Ты имеешь право спросить, кто получит данные. Если говорят «это стандартно», спрашиваешь, где стандарт написан. Перед процедурами можешь отправлять мне информацию, я проверю.

— Мам, я еду на второй курс магической школы или на заседание суда?

— Да.

Отец фыркнул.

Я неожиданно рассмеялась. Смех вышел неровным, но настоящим.

— Если я начну спрашивать «где стандарт написан», меня возненавидят к обеду первого дня.

— Я на это рассчитываю, — сказала мама.

— Не будь удобной, версия юридическая.

— Именно.

Мы ещё немного разобрали материалы. Мама подчеркнула фразы, которые стоило запомнить. Отец показал аварийную линию связи в маленьком плоском артефакте, похожем на металлическую закладку.

— Его не должны считать системы Марианы, — сказал он.

— «Не должны» — это новый семейный девиз?

— Рабочий.

— А если считают?

— Тогда я узнаю, что они нарушили ещё один пункт.

Я взяла артефакт. Он был прохладный и тяжёлый.

— А если я потеряю?

— Не потеряешь.

— Пап, я однажды потеряла телефон в собственной комнате.

— Это было до того, как ты начала хранить вещи так, будто от них зависит жизнь.

Я хотела возразить, но не смогла.

После разбора документов мама ушла спать. Отец остался в гостиной, выключил верхний свет, оставил только лампу. Я должна была тоже уйти, но задержалась у двери.

— Пап?

— Да?

— Ты правда думаешь, что Мариана может помочь?

Он не ответил сразу.

— Да, — сказал наконец. — Может.

Я кивнула.

Почему-то этот ответ было трудно принять.

— А навредить?

— Да.

— Великолепно. Полный спектр образовательных услуг.

Отец посмотрел на меня устало и мягко.

— Я думаю, что почти всё сильное может помочь и навредить. Вопрос в том, кто держит инструмент и кого спрашивают перед тем, как им пользоваться.

Я вспомнила якорь за стеклом.

— А если инструмент держит система?

— Тогда рядом должны быть люди, которые не дают системе считать себя единственным взрослым в комнате.

— Это ты сейчас про Рея?

— В том числе.

— А про меня?

Отец чуть улыбнулся.

— Особенно.

Я стояла в дверях и думала, что это совершенно нечестно: сначала взрослые всю жизнь скрывают магию, потом магия пытается тебя съесть, потом те же взрослые говорят такие вещи, после которых уже нельзя просто быть обиженной.

Обида любила простые формы. Жизнь, к сожалению, нет.

— Я постараюсь.

— Не быть единственным взрослым в комнате?

— Не дать комнате съесть меня вместе с мебелью.

— Тоже хорошая цель.

Я ушла к себе, но сон не пришёл. Перед глазами стояли выпускники из ролика: одинаковые спокойные улыбки, фразы про контроль и уверенность, что Мариана помогла им понять себя.

Ночью я почти не спала.

Положила вещи в сумку, потом вынула, потом снова положила. Добавила плюшевую акулу. Убрала. Потом всё-таки добавила. Аня бы гордилась. Или подала бы заявление на совместную опеку над акулой.

Телефон мигал сообщениями.

Лиза отправила список того, что надо взять дополнительно. Документ был на две страницы. Тимур ответил на него картинкой человека, тонущего в бумагах. Тина написала, что список полезный. Тобиас признался, что браслет теперь напоминает ему пить воду. Зик прислал схему возможного устройства браслета, и я поняла примерно три слова: «канал», «контур» и «плохо».

Кристиан больше не писал.

Я ему тоже.

Вместо этого я открыла пустой чат с Алтеей. Это было бессмысленно: номера у сирены не было. Чат был просто заметкой, которую я назвала её именем.

Она написала:

«Я еду в Мариану. Если ты это каким-то образом чувствуешь, пожалуйста, не делай загадочное лицо. Мне хватило за-

гадочных лиц на год вперёд».

Подумала и добавила:

«Ты говорила, море помнит. А оно умеет забывать?»

Отправлять было некуда.

Я выключила телефон.

Сон пришёл под утро, липкий и короткий. Мне снилась вода. Не бурная, не поющая, не зовущая. Чёрная. Вертикальная. Она уходила вниз без конца, и где-то далеко в ней мерцал свет, похожий на глаз.

Я хотела проснуться, но не могла.

Тогда в темноте кто-то произнёс: Раз уже прозвучало.

Я резко села в кровати.

За окном было ещё серо. Сердце колотилось. Рука светилась слабым серебром под кожей.

В комнате было тихо.

Слишком тихо.

Не как дома ночью. Не как перед рассветом. А как в месте, где звук не исчезает, а его удерживают.

Я сжала руку в кулак.

— Нет, — я попыталась успокоить себя. — Даже не начинай.

Тишина не ответила.

Я открыла чат с группой.

Тимур:*если кто-то ещё смотрел официальный ролик, подтвердите: у меня теперь аллергия на слово «структура»*

Лиза:*Ролик информативный.*

Тимур: ты пугаешь меня сильнее Марианской впадины

Тина: Он слишком гладкий. Но полезный.

Зик: Фраза «стабилизированное глубинное давление» технически бессмысленна без уточнения метода стабилизации.

Тобиас: я понял только, что там всё синее и надо подписывать бумажки

Тина: Мне ещё понравились светящиеся медузы. Я пытаюсь держаться за это.

Кира: Светящиеся медузы — единственное, что пока не выглядит как юридическая ловушка.

Тимур: если нас съест медуза, я буду считать это предательством твоих рекомендаций

Кира: Я не рекомендовала. Я сказала «пока».

Тимур: важно, зафиксировал

Лиза: Не фиксируй глупости.

Тимур: поздно, у меня теперь свой протокол

Я смотрела на сообщения и чувствовала, как страшное становится чуть менее одиноким. Не меньше. Но распределённое: огромный груз разложили по нескольким рукам, и каждый мог ругаться, пока держит.

Возможно, именно так и выглядела группа: не герои, не избранные, не будущие спасители мира. Подростки, которым выдали коробки, браслеты и историческую бездну по расписанию — и которые всё равно спорили о роликах, шутили про медуз и проверяли, кто надел браслет первым.

Я выключила экран.

На этот раз, прежде чем провалиться в сон, я подумала не о тихих комнатах.

Я подумала о том, что если Мариана действительно лаборатория с расписанием, то расписание тоже можно читать.

А если его можно читать, значит, в нём можно найти пустые строки.

А пустые строки иногда спасают лучше, чем самые громкие обещания безопасности.

Утро отъезда началось с того, что мама забыла сахар в кофе, отец забыл ключи от машины, а я забыла, как дышать, когда увидела у двери три сумки, коробку с документами и своё отражение в зеркале.

Я надела исследовательский комплект не полностью. Брюки, ботинки, тёмный топ, куртка. Ремни пока оставила застёгнутыми не все. Браслет — в кармане. Волосы собрала в высокий хвост, который выглядел так, будто держится исключительно на упрямстве.

Рисунок на предплечье был закрыт рукавом. Это немного помогало. Если не видеть, можно было почти сделать вид, что под кожей не живёт часть моря.

Мама вышла из спальни уже в пальто, с идеально собранной сумкой и лицом человека, который готов судиться с океаном при наличии достаточной правовой базы. Отец проверял документы. Вадим, охранник, внизу уже ждал машину.

— Готова? — спросил отец.

Я посмотрела на сумки.

— Нет.

— Хорошо. Поехали.

Я усмехнулась.

— Вот за это спасибо.

Прощание с домом оказалось хуже, чем я думала. Без музыки и дождя: просто я закрыла дверь своей комнаты и поняла, что когда вернусь, снова буду другой.

Первый курс забрал девочку, которая не знала о магии. Вернул ту, которая знала слишком много и всё равно не понимала главного. Второй курс, судя по всему, собирался забрать уже эту версию.

Магический транспортный узел находился не в аэропорту, конечно. Аэропорты были слишком честными: там хотя

бы прямо говорили, что ты садишься в металлическую штуку и надеешься, что физика не передумает.

Узел прятался под зданием старого института океанографии на окраине города. Снаружи — серый фасад, облупленная табличка, скучающий охранник. Внутри — лифт, который не имел кнопки «минус семь», но всё равно туда ехал.

— Ненавижу магическую инфраструктуру, — сказала я, когда лифт опустился ниже, чем должен был. — Она всегда выглядит как незаконная перепланировка реальности.

Отец стоял рядом, держа мою сумку.

— У тебя будет много поводов повторить эту фразу.

— Чудесно. Значит, образовательный результат уже есть.

Внизу нас встретил коридор из серого камня и стекла. Не такой старый, как школьные подземелья в плохих фильмах. Скорее государственный. Чистый, холодный, функциональный. На стенах светились тонкие линии навигации. Людей было много: студенты с родителями, сотрудники в тёмных костюмах, несколько преподавателей, магические служащие с планшетами и артефактами.

Я сразу увидела своих.

Лиза стояла у колонны с планшетом и проверяла что-то в списке. Светлые волосы были собраны в хвост, лицо сосредоточенное, будто она решила лично не дать второму курсу развалиться из-за плохой организации.

Тина рядом молча наблюдала за потоком людей. Длинные тёмные волосы, спокойное лицо, руки в карманах. Она

выглядела так, будто уже всё поняла и теперь ждала, когда остальные догонят.

Тобиас стоял чуть в стороне, высокий, крепкий, мрачный, и смотрел на сотрудников так, словно выбирал, какую стену проще проломить при необходимости.

Зик сидел на собственной сумке и что-то быстро писал в блокноте. Светлые волосы растрепались, под глазами залегли тени. Он выглядел как человек, который прочитал все правила и теперь страдает от знания.

Тимур увидел меня первым.

— Кан! — он поднял руку. — Жива, не светишься, браслет не надела. Горжусь.

— Взаимно, — сказала я, подходя. — Ты тоже выглядишь почти функциональным.

Тимур был в тёмной куртке исследовательского комплекта, но носил её так, будто это не форма допуска к глубинной диагностике, а стильное решение для человека, который случайно оказался в опасном сюжете и решил хотя бы выглядеть хорошо.

— Я функционален на семьдесят процентов, — сказал он. — Остальные тридцать заняты внутренней паникой и мыслью, что нас опять везут туда, где взрослые скажут «всё под контролем».

— Ты тоже это слышишь?

— После Бермудского корпуса? Я теперь слышу это даже в рекламе йогурта.

Я фыркнула.

Тимур посмотрел на моих родителей и сразу стал серьезнее.

— Здравствуйте.

— Тимур, — кивнул отец.

Мама улыбнулась ему чуть теплее, чем остальным. Тимур умел вызывать у взрослых желание накормить его и одновременно проверить, не спрятал ли он что-нибудь взрывоопасное.

— Вы присмотрите друг за другом? — спросила мама, и прозвучало это не как дежурная фраза, а как просьба.

— Обязательно, — сказал Тимур. — У нас после первого курса групповая лицензия на коллективное выживание.

— Лицензия просрочена, — заметила Лиза, не отрываясь от планшета. — И её никто не выдавал.

— Но звучит уверенно.

— Именно поэтому опасно.

Я вдруг почувствовала, как меня немного отпустило.

Вот они. Моя шестая группа. Проблемная, неудобная, списанная, выжившая. Люди, рядом с которыми страх не исчезал, но переставал быть единственным языком мира.

— Всё, — сказала я. — Возвращаемся к йогурту. Там хотя бы пробиотики.

Лиза наконец отложила планшет.

— Нам нужно пройти первичную отметку. Там проверяют документы и выдают временные метки транспортировки.

— Метки? — переспросил Тобиас.

— Не на кожу, — быстро сказала Лиза. — На багаж и маршрутный профиль.

— После прошлого раза уточнять полезно, — буркнул он. Они пошли вместе.

Родители шли рядом до контрольной линии. Дальше нам предстояло проходить отдельно. Я видела, как мама старается держаться. Как отец смотрит на каждого сотрудника, словно запоминает лицо на случай будущего суда или драки. Может, оба варианта.

У контрольной стойки женщина в тёмной форме прове-

рила документы, подняла взгляд и на мгновение застыла.

Не сильно. Не так, чтобы кто-то другой заметил. Но я заметила.

Она уже знала этот взгляд.

Не «вот студентка».

А «вот она».

Я. Та самая. Девочка из Бермудского корпуса. Позднее пробуждение. Хор. Тихие комнаты. Алтея. Кристиан Ллойд. Александр. Катастрофа, которую взрослые теперь называли инцидентом, потому что «инцидент» помещался в отчёт, а «мы чуть не построили защиту из детей» — нет.

Женщина опустила глаза к экрану.

— Кан Кира Юрьевна. Второй курс. Группа шесть. Допуск подтверждён. Браслет адаптации?

— В кармане.

— Надеть после прибытия в корпус «Мариана» по команде куратора.

— Я как раз мечтала получить команду куратора перед тем, как надеть украшение тревоги.

Женщина моргнула.

Лиза тихо кашлянула.

Тимур отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Сотрудница сделала вид, что ничего не слышала. Профессионал.

— Пройдите к зоне ожидания номер три.

Я взяла метку багажа и отошла.

— Не шути в протоколе, — сказал за моей спиной знакомый голос.

Я повернулась.

Кристиан стоял у прохода к служебной зоне.

На нём был чёрный исследовательский костюм Марианы — не школьная форма и не прежний строгий пиджак. Куртка с высоким воротом, тёмная рубашка, аккуратные крепления, ID-пропуск на груди. Волосы стали короче. Пепельные пряди были убраны назад, уже без той длинной почти аристократической небрежности, которая раздражала ингя весь первый курс. Лицо — красивое, холодное, собранное. Зелёные глаза внимательные.

И копьё.

Длинное тёмное, с серебристым наконечником, оно стоя-

ло рядом с ним почти спокойно. Почти.

Я почувствовала, как рисунок на моей руке шевельнулся под рукавом.

— Ты сказал это так, будто у меня есть шанс.

— Шанс всегда есть.

— Ужасно оптимистично. Рей тебя плохо воспитывает.

Кристиан посмотрел на её родителей. Поклонился чуть заметно — не театрально, а ровно настолько, чтобы напомнить, что Ллойды даже в транспортном узле могут выглядеть как люди, которым принадлежит мебель.

Отец напрягся. Мама тоже.

Кристиан это увидел. Конечно, увидел. Он вообще слишком многое видел и слишком мало говорил.

— Профессор Рей ждёт у служебного шлюза, — сказал он. — Он хотел поговорить с твоими родителями до отправления.

— Прекрасно. Ещё один взрослый раунд «мы всё контролируем».

— Он не будет так говорить.

— Потому что он умный?

— Потому что знает, что это неправда.

Это было настолько по-реевски, что я даже не нашла, чем ответить.

Профессор Кирриан Рей действительно стоял у служебного шлюза, высокий, статный, в чёрной рубашке, расстёгнутой ровно настолько, чтобы официальная обстановка чув-

ствовала себя неуверенно. Волосы собраны, короткая чёрная борода подчёркивала скулы. Он выглядел не как человек, который сопровождает студентов на второй курс, а как командир, временно согласившийся не захватывать станцию до обеда.

— Кира, — сказал он. — Юрий. Екатерина.

Мама мгновенно стала юристом.

— Профессор Рей.

— Документы я видел. Ваши правки тоже. Некоторые доставили мне эстетическое удовольствие.

— Надеюсь, не только эстетическое.

— Две уже приняли. Третью будут ненавидеть до конца семестра, что обычно хороший знак.

Я посмотрела на мать с уважением.

— Мам, ты внесла правки в Мариану?

— В правила доступа к данным студентов, — сказала мама. — Не во всю Мариану.

— Пока, — добавил Рей.

Отец коротко усмехнулся.

— Вы будете там? — спросил он у Рея без вступлений.

— Да.

— Не только на открытии курса?

— Не только.

— И Кристиан будет под вашим контролем?

Кристиан стоял рядом и молчал.

Рей перевёл взгляд на него. Потом обратно на отца.

— Кристиан будет под моей защитой и под моим наблюдением. Это разные вещи. Я постараюсь не перепутать.

Я заметила, как Кристиан чуть опустил глаза.

Слова попали. Не больно. Точно.

— А Кира? — спросила мама.

— Кира будет под наблюдением всей Марианы, — сказал Рей. — Это плохая новость. Хорошая: теперь она знает, как выглядит клетка, когда её называют безопасностью. Это делает её менее удобной.

— Вы считаете это преимуществом? — спросила мама.

— Огромным.

— Я прямо здесь. Если что, можно обсуждать мою неудобность при мне. Я уже достаточно взрослая, чтобы знать, что раздражаю системы.

Рей посмотрел на меня.

— Не раздражаешь. Выявляешь.

— Это почти комплимент?

— Почти диагноз.

— Чудесно. Второй курс ещё не начался, а меня уже классифицировали.

— Добро пожаловать в Мариану, — сказал Рей.

Объявили посадку.

Слова прозвучали мягко, почти безлично, но люди вокруг сразу зашевелились. Родители начали обнимать детей. Кто-то плакал. Кто-то фотографировал. Кто-то делал вид, что не плачет, и выглядел от этого ещё хуже.

Я повернулась к маме.

Она обняла меня крепко. Не так, как утром. Сейчас — как будто пыталась запомнить вес.

— Пиши, — сказала она. — Про всё.

— Даже про йогурты?

— Особенно про йогурты.

Отец обнял меня следом. Я уткнулась лбом ему в плечо и на секунду снова стала той, у кого самый страшный день в жизни был связан с контрольной по математике.

Сердце нервно подрагивало. В глазах и в носу неприятно щипало.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо.

— Я тоже.

— Не будь удобной.

Я отстранилась и посмотрела на него.

Отец улыбнулся грустно.

— Думаю, это безопаснее, чем просить быть осторожной.

— Вот теперь похоже на нормальное напутствие.

Я взяла сумку.

Группа собралась у прохода. Кристиан уже ушёл вперёд с Реем. Его копьё скользнуло в служебный коридор последним, как тень.

Транспорт к Мариане оказался не кораблём и не поездом.

Первый этап — порталный зал. Белый круг на полу, серебристые линии, сотрудники, которые говорили слишком спокойно. Потом короткий рывок пространства. Атлантический узел. Ещё один зал, влажный воздух, запах соли и металла. Потом Тихоокеанский коридор — длинная стеклянная галерея, за которой я увидела небо другого цвета.

И только потом — спусковой модуль.

Он стоял в ангаре, похожем на пасть механического кита. Глубинный транспорт был вытянутым, чёрным, с круглыми окнами и толстыми рёбрами корпуса. Не красивый. Надёжный. А это, учитывая магический мир, было почти экзотикой.

— Это точно транспорт? — спросил Тимур. — Не капсула для коллективного маринования?

— Давление на глубине Марианской впадины превышает тысячу атмосфер, — сказал Зик автоматически.

— Зик.

— Что?

— Иногда люди задают вопросы, чтобы стало легче, а не чтобы получить число смерти.

— А. Прости.

Я посмотрела на модуль.

Тысяча атмосфер.

Мир над тобой превращается в вес.

В Бермудском треугольнике океан был рядом. За стеклом, за куполом, вокруг острова. Он шумел, звал, бился о чёрные скалы. В Мариане океан будет не рядом. Он будет сверху. Снизу. Везде. Не песня — давление.

Нас рассадили по секциям. Группа шесть оказалась в одном отсеке, чему я была благодарна настолько, что даже не сказала ничего язвительного сотруднику с планшетом. Тот, возможно, не понял, какого счастья избежал.

Кресла были глубокими, с ремнями. Окна — маленькими и толстыми. За ними пока был ангар.

Я села у стекла. Тимур — рядом. Лиза напротив. Тина у прохода. Тобиас занял место так, чтобы видеть дверь. Зик сразу начал изучать панель безопасности и получил от Лизы взгляд, который означал: «Не трогай, если хочешь дожить до образовательного процесса».

Пока модуль проходил финальную проверку, в отсеке включился обзорный экран.

На нём высветился маршрут: поверхность, промежуточная глубина, зона стабилизации, внешнее кольцо Марианы,

внутренний шлюз. Всё выглядело удивительно аккуратно. Как будто спуститься на дно мира — примерно то же самое, что доехать на лифте до парковки.

— Смотрите, — сказал Тимур, показывая на схему. — У нас даже есть зона стабилизации. Значит, если мы начнём паниковать, нас стабилизируют. Наверное, ударом током.

— Магическим током, — уточнил Зик. — Физический ток на такой глубине в присутствии защитного контура может дать непредсказуемую реакцию.

— Я обожаю, когда ты уточняешь, почему мои кошмары технически неточны.

Лиза наклонилась вперёд.

— В зоне стабилизации, судя по описанию, проверяют совместимость браслетов и индивидуальных контуров с давлением станции. Это не обязательно плохо.

— Лиза, — сказала я, — ты сейчас звучишь как человек, который однажды сможет оправдать каннибала фразой «он просто изучал границы пищевого поведения».

Лиза возмущённо моргнула.

— Это разные вещи.

— Да. Каннибал хотя бы честнее.

Тина, которая всё это время смотрела в окно, вдруг сказала:

— Лиза права в одном. Если мы будем считать плохим вообще всё, мы пропустим, где станет действительно плохо.

Я не ответила сразу.

Вот за это я и ценила Тину: та умела сказать неприятное без желания победить. Не как взрослые, которые часто говорили «будь разумной», имея в виду «перестань мешать нам верить, что всё под контролем». Тина говорила ровно то, что видела.

— Ненавижу, когда ты права.

— Я редко настаиваю.

— От этого хуже.

Тобиас скрестил руки на груди.

— А я считаю, что если место начинается с браслетов, кураторов и зоны стабилизации, ему надо сразу не доверять.

— Наконец-то простая стратегия, — сказал Тимур. — «Не доверять месту». Запишем в устав.

— У нас нет устава, — сказала Лиза.

— Тогда это первый пункт.

— Устав должен быть утверждён.

— Лиза, — мягко сказал Тимур, — если ты продолжишь, я сделаю тебя председателем комиссии по уставу, и мы все погибнем от бюрократии раньше, чем от давления.

Я слушала их и неожиданно думала, что в первом корпусе эта перепалка показалась бы обычной. Сейчас каждая шутка была проверкой: живы ли мы ещё, можем ли разговаривать, не превращая каждую фразу в отчёт о травме.

Я посмотрела на Тимура.

Он заметил. Конечно заметил. У него был талант замечать чужую яму и не тыкать в неё палкой.

— Что? — спросил он тихо.

— Думаю, что ты слишком бодрый для человека, которого везут в бездну.

— Я не бодрый. Я декоративно паникую внутри.

— У тебя внутри есть декор?

— Там вообще много всего. Я сложная личность.

Я хотела съязвить, но вместо этого улыбнулась. Легко. Ненадолго.

Тимур тоже улыбнулся. Не победно, не слишком ярко. Просто так, будто увидел, что я на секунду выбралась из головы, и решил не делать из этого событие.

И именно поэтому стало чуть теплее.

Зик тем временем поднял руку, как на уроке, хотя урока не было.

— Я, возможно, нашёл причину, почему браслеты нельзя надевать до прибытия.

Все повернулись к нему.

— Ты не мог подождать, пока мы хотя бы начнём тонуть? — спросил Тобиас.

— Они калибруются по первому сильному магическому фону, — сказал Зик, игнорируя его. — Если активировать их на поверхности, они примут поверхностный фон за базовый. При спуске будет рассинхронизация. Возможно, поэтому браслет Тобиаса сейчас предлагает ему пить воду и дышать. Он не понимает, что владелец уже совершил ошибку эволюционного масштаба.

Тимур медленно повернулся к Тобиасу.

— Друг мой, ты не просто надел браслет. Ты испортил ему детство.

— Он сам попросился на руку, — буркнул Тобиас.

— Браслеты не просятся, — сказала Лиза.

— Этот почти.

Я посмотрела на Тобиаса. Он сидел с таким видом, будто готов драться со всеми браслетами мира, если они ещё раз предложат ему дыхательное упражнение.

— Знаешь, — сказала я, — если Мариана начнёт нас классифицировать, тебя первым запишут как «сопротивление аксессуарам».

— Пусть попробуют.

— Не провоцируй их, — сказала Тина. — Они могут назвать это ценным поведенческим маркером.

Все замолчали на секунду.

Потом Тимур тихо сказал:

— Вот именно это я и ненавижу. Мы даже шутить не можем, чтобы не звучало правдоподобно.

Никто не ответил.

Я снова посмотрела в окно. Ангар за стеклом был полон людей, света и механизмов. Последнее место, где ещё можно было сделать вид, что они просто отправляются на необычную практику.

Где-то впереди, за закрытой дверью служебной секции, Рей говорил с пилотами. Или спорил с ними. Или уже взломал что-нибудь, потому что не доверял инструкциям. Кристиан, наверное, стоял рядом, идеально спокойный, идеально собранный, с копьём в руке.

Я вдруг подумала: он уже сидел в таком модуле.

Пять лет назад. Или почти пять. Второкурсник, наследник Ллойдов, слишком красивый для нормального подростка,

слишком воспитанный, слишком гордый. Возможно, Александр провожал его иначе: без объятий, без «пиши про йогурты», без просьбы не быть удобным. Возможно, сказал: «Покажи достойный результат». И Кристиан показал. Так хорошо, что система запомнила.

Я сжала ремень безопасности.

Я не знала, что Мариана сделает со мной. Но уже начинала понимать: с некоторыми она давно закончила первый заход и теперь просто ждала, когда они вернутся.

И теперь просто ждала, когда они вернутся.

На экране тем временем появилась строка: «До начала спуска — три минуты».

Три минуты.

Я вдруг очень ясно почувствовала их вес. Три минуты до того, как поверхность перестанет быть местом, куда можно просто выйти. Три минуты до того, как весь воздух над ней станет водой, камнем, давлением, чужой системой. Три минуты до того, как слово «ниже» перестанет быть направлением и станет состоянием.

Я хотела написать маме. Потом отцу. Потом Ане что-нибудь нелепое, вроде «если я не отвечу, считай, что меня съела образовательная медуза». Но телефон уже перевели в транспортный режим, а руки почему-то не двигались.

Тимур, не глядя на меня, протянул маленькую карамельку в шуршащей обёртке.

— На случай, если бездна окажется невкусной.

Я взяла.

— У тебя в карманах карамельки?

— У меня в карманах стратегия выживания.

— Сладкая?

— Я работаю с тем, что есть.

Я развернула конфету и положила в рот. Сахар оказался неожиданно реальным. Почти наглым. Маленькое доказательство, что мир ещё не целиком принадлежит протоколам.

Кристиан вошёл последним. Не сел с ними. Его место было в передней служебной секции, рядом с Реем. Но перед тем как пройти, он остановился у моего кресла.

— Помни, — сказал он негромко. — Мариана слушает не слова. Реакции.

— А ты?

Он посмотрел на меня.

— Я слушаю, когда могу.

Это был странный ответ.

Почти честный.

Я не успела спросить больше. Рей позвал его.

Двери закрылись.

Модуль вздрогнул.

Где-то снаружи загудели механизмы. Ангар медленно отъехал вверх или вниз — я не сразу поняла. Потом за окном появилась вода.

Сначала светлая. Зеленовато-синяя. С пузырями, лучами, движением. Почти красивая.

Кто-то из студентов в соседнем отсеке ахнул.

Модуль начал уходить глубже.

Свет исчезал постепенно. Как будто мир вынимал из себя цвета один за другим.

Синий стал темнее. Потом густым. Потом почти чёрным. За окном мелькали огни сопровождающих аппаратов, тонкие линии магической защиты, редкие светящиеся точки живых существ.

Я прижала ладонь к стеклу.

Стекло было холодным.

Рисунок на предплечье под рукавом ответил слабым теплом.

Я ждала, что море позовёт.

Как раньше. Шёпотом, сном, волной, именем. Я уже ненавидела этот зов, но привыкла к нему. Зов был страшным, но живым. В нём было движение.

Теперь не было ничего.

Чем глубже уходил модуль, тем тише становилось внутри.

Не в салоне — люди переговаривались, кто-то смеялся слишком громко, Тимур шепнул что-то про «туристический маршрут для самоубийц», Лиза одёрнула его. Звуки были.

Но под ними исчезало всё.

Море не пело.

Не звало.

Не шептало её имя.

Наоборот.

Я почувствовала, как тишина поднимается из глубины навстречу модулю. Плотная, чёрная, невозможная. Она не была пустотой. Она была чем-то большим, чем звук. Такой тишиной, будто кто-то огромный приложил ладонь к миру и сказал: молчи.

Я перестала дышать.

— Кан? — тихо спросил Тимур.

Я моргнула.

— Всё нормально.

— Когда ты говоришь «всё нормально» таким голосом, мне хочется начать писать завещание.

— Не начинай. Лиза проверит оформление.

Лиза подняла глаза.

— Проверю.

Тимур кивнул.

— Видишь? Командная работа.

Я попыталась улыбнуться.

Не получилось.

За стеклом была чёрная вода.

Не остров. Не купол. Не волны.

Вниз уходил мир, где свет был гостем, звук — нарушением, а давление — законом.

И где-то далеко в этой тишине, такой плотной, будто она могла лечь на кожу, я вдруг поняла: второй курс действительно начинается.

И самое неприятное было в том, что это «ниже» не за-

канчивалось глубиной. Оно начиналось внутри — там, где прежняя Кира ещё надеялась, что после первой катастрофы мир обязан сделать паузу. Мир, конечно, паузу не сделал. Разумеется, нет.

Глава 2. Мариана

Первое, что я поняла о глубине: она не была тёмной.

Точнее, она была темнее всего, что я видела раньше. Темнее ночи на острове, темнее подвала под Бермудским корпусом, темнее стекла в тихих комнатах, когда за ним гасли чужие силуэты. Но в этой темноте всё равно жили огни.

Они появлялись за окнами модуля редкими точками: синими, зелёными, белыми, иногда такими холодными, что казались не светом, а воспоминанием света. Медузы, похожие на прозрачные зонтики с нервной системой из молний. Длинные рыбы с тонкими светящимися нитями у пасти. Мелкие существа, вспыхивающие и тут же исчезающие, будто кто-то щёлкал искрами в воде.

— Красиво.

— Ужасно, — сказал Тобиас.

— Это не взаимоисключающие категории, — заметила Тина.

Я сидела у стекла и не спорила ни с кем. Потому что все трое были правы.

Модуль уходил вниз уже почти час. Сначала экран показывал глубину цифрами, но после отметки в четыре тысячи метров я перестала смотреть. Цифры только мешали. Они делали бездну слишком учебной. Три тысячи, пять тысяч, семь тысяч — будто речь шла о страницах в учебнике, а не

о том, сколько воды лежит у тебя над головой.

Где-то после семи тысяч уши перестало закладывать. Не потому что давление исчезло, а потому что защитные контуры модуля окончательно вступили в работу. Воздух внутри стал ровным, прохладным, чуть металлическим. Салон подсвечивался мягким синим светом. На стенах время от времени вспыхивали тонкие линии, проверяя состояние пассажиров.

— Если эта штука ещё раз просканирует мою левую коленку, я начну брать плату, — пробормотал Тимур.

— Она проверяет реакцию суставов на компенсацию давления, — сказал Зик.

— Ты умеешь убить даже претензию к коленке.

— Зато теперь ты знаешь, что у претензии есть основание.

Лиза сидела с планшетом на коленях, но не писала. Это само по себе было тревожным знаком. Если Лиза не записывала, значит, происходящее было либо слишком важным, либо слишком красивым, либо слишком страшным. Иногда всё сразу.

Я осторожно повернула руку. Рукав чуть задрался, и я увидела тонкие линии на предплечье. Рисунок светился слабо, но ровно. Не вспышками, как в Бермудском корпусе. Не тревожно. Скорее настороженно.

Как животное, которое услышало хищника раньше хозяйина.

— Болит? — тихо спросил Тимур.

Я покачала головой.

— Нет. Просто... слушает.

— Рука?

— Дар. Или море. Или моя внутренняя коллекция проблем. Я пока не разобралась, как правильно представлять гостей.

Тимур посмотрел на руку без того жадного интереса, который я уже успела возненавидеть у некоторых взрослых. Не как на чудо. Не как на угрозу. Просто как на часть меня, которая могла доставлять боль.

— Если начнёт слушать слишком громко, скажи.

— Что ты сделаешь?

— Буду отвлекать. У меня это отлично получается.

— Это правда, — сказала Лиза, не поднимая глаз.

— Спасибо, кажется.

Салон дрогнул.

Не резко. Но достаточно, чтобы разговоры стихли.

Экран в передней части отсека сменил схему. Появилась вертикальная линия, уходящая вниз. На ней загорелась точка: «Внешняя зона корпуса “Мариана”. Подготовка к стыковке».

Я прижала ладонь к стеклу ещё сильнее.

Сначала я увидела только черноту.

Потом — огни.

Они возникли в глубине не как город на горизонте, а как созвездие, прикреплённое к стене мира. Синие вертикали. Горизонтальные мосты. Огромные кольца света. Медленные мигающие сигналы. Стеклообразные цилиндры, в которых двигались тени людей и механизмов. Металлические конструкции, уходящие в скалу.

Мариана не стояла на дне.

Она росла из стены впадины.

Вертикальная станция была встроена в чёрную каменную толщу, как если бы кто-то взял научный институт, военную

базу, храм и лифт в ад, а потом аккуратно закрепил всё это на отвесной скале под километрами воды. Башни не поднимались вверх — они спускались вниз. Стеклообразные шахты тянулись в темноту. Мосты, галереи и шлюзы соединяли цилиндрические модули. Некоторые уровни сияли ярко, почти больнично. Другие едва светились, как глаза спящего существа.

За станцией, ниже, в пропасти мерцал слабый синий туман.

Не свет.

Ожидание света.

— Вот это... — начал Тимур и замолчал.

— Да.

— Я ещё ничего не сказал.

— Всё равно да.

Да. Это было красиво.

Да. Это было страшно.

Да. Это была школа, которой не должно быть.

Да. Они всё равно туда спускались.

Модуль повернул к стыковочному кольцу. За окном проплыла наружная платформа с закреплёнными аппаратами. Маленькие подводные дроны скользили вокруг, как металлические рыбы. На дальней стене мигали огни шлюзов. Сквозь стекло одного из цилиндров я увидела лабораторию: столы, экраны, люди в тёмной форме, светящиеся схемы в воздухе.

Кто-то за стеклом поднял голову, когда модуль проходил мимо.

Я не могла видеть лица, но всё равно почувствовала: смотрят не на транспорт.

На них.

— Добро пожаловать в аквариум, — тихо сказал Тимур.

— Аквариум смотрит в ответ, — ответила я.

Модуль вошёл в стыковочное кольцо с низким гулом. Снаружи сомкнулись металлические захваты. По корпусу прошла вибрация. Свет в салоне мигнул.

На экране появилась строка: «Герметизация завершена. Адаптационный шлюз открыт».

Двери открылись не сразу. Сначала воздух в салоне стал чуть тяжелее. Потом мягкий голос сообщил о переходе на внутренний контур давления Марианы. Потом студентов попросили оставаться на местах до команды сопровождающего.

— Если голос ещё раз скажет “адаптационный”, я адаптируюсь к насилию, — сказал Тобиас.

— Тебе это тоже запишут в профиль, — сказала Тина.

— Пусть пишут разборчиво.

Двери наконец раскрылись.

Внутри шлюза нас встретили люди в чёрно-серой форме. Не преподаватели. Не охрана в обычном смысле. Скорее сотрудники, которые могли одновременно показать дорогу, зафиксировать нарушение и, если потребуется, закрыть гермодверь перед твоим носом без тени сомнения.

Я вышла из модуля и сразу почувствовала разницу.

Воздух Марианы был сухим и холодным, но пах водой. Не солью, как на поверхности, а металлом, озоном и чем-то глубоким, минеральным. Под ногами был тёмный пол с тонкими светящимися линиями. Стены — стекло, металл, матовые панели. Везде — вертикальные указатели. Вверх. Вниз. Сектора. Лифты. Шлюзы.

Ни одного лишнего предмета.

Ни одной случайности.

Я ненавидела, когда пространство выглядело так, будто всё уже решило за тебя.

— Студенты второго курса, группа шесть, — произнесла женщина у стойки. — Проходите на первичную отметку. Багаж будет доставлен в жилой сектор после сканирования.

— После чего? — переспросил Тобиас.

Женщина посмотрела на него.

— После сканирования.

— А если я не хочу, чтобы мои вещи сканировали?

— Тогда они не будут допущены в жилой сектор.

— Прекрасно, — сказал Тимур. — Первый выбор дня: приватность или трусы.

Лиза тихо выдохнула сквозь нос.

— Тимур.

— Что? Я формулирую проблему доступно.

Я почти улыбнулась, но моё внимание отвлекло движение впереди.

Рей стоял у выхода из шлюза и разговаривал с высоким худощавым мужчиной в тёмном кителе. Я узнала его сразу — доктор Велес из вводного ролика. Вживую он выглядел менее рекламно, но не менее гладко: ровная осанка, аккуратные жесты, внимательная улыбка человека, который умеет слушать так, чтобы собеседник сам начал оправдываться. Перед ответом он чуть выравнял манжету большим паль-

цем — жест на миллиметр, почти незаметный. Именно поэтому я его заметила.

Кристиан стоял рядом с Реем. Копья в руках не было. Я заметила это сразу и тут же увидела тёмный вертикальный контейнер у стены. На нём горел знак артефактной изоляции.

Мой желудок неприятно сжался.

Кристиан стоял без копья слишком прямо.

Почти пусто.

Рей заметил мой взгляд.

— Временная транспортная фиксация, — сказал он, не повышая голоса. — Не диагностика.

— Я ничего не спрашивала.

— Ты спросила лицом.

— Надо будет научиться носить менее разговорчивое лицо.

— В Мариане это считают одним из базовых навыков.

Кристиан посмотрел на меня. Взгляд был спокойный, но вокруг глаз залегла тень. Я вдруг подумала, что он не просто вернулся в место, где учился. Он вернулся туда без той части себя, которую привык держать в руке.

И это место сразу забрало её в контейнер.

Доктор Велес повернулся к студентам.

— Добро пожаловать в корпус “Мариана”, — сказал он. Голос был тем же, что в ролике: мягким, уверенным, выверенным. — Я доктор Аркадий Велес, координатор вводного этапа. В ближайшие семьдесят два часа вы пройдёте привыкание к глубинному контуру, первичную диагностику и распределение по научным кураторам. Второй курс — важнейший этап вашего обучения. Здесь вы получите не только

контроль над даром, но и понимание его природы.

— Он слово в слово, — прошептал Тимур.

— Тише, — сказала Лиза.

— Я боюсь, что если он продолжит, у меня начнётся рекламная аллергия.

Доктор Велес говорил дальше.

— Корпус “Мариана” — безопасная исследовательская среда. Все процедуры проводятся с учётом индивидуально-го профиля студента. Ваше состояние будет отслеживаться браслетами-модулями, которые вы получите и активируете после первичного инструктажа. Браслет не является средством ограничения свободы. Это инструмент заботы, связи и своевременной помощи.

Я почувствовала, как губы сами хотят изобразить что-то неприлично саркастическое.

Кристиан, стоящий у стены, едва заметно покачал головой.

Не шути в протоколе.

Я мысленно показала ему язык. Лицом — нет. Училась, как могла.

Доктор Велес между тем перешёл к правилам: не покидать первичный сектор без сопровождающего, не активировать личные артефакты, не использовать дар вне учебных зон, не приближаться к внешним шлюзам, не входить в лифты с красной маркировкой, не касаться стеклянных секций во время смены давления, не вступать в контакт с внешней

фауной.

— Внешней фауной, — повторил Тимур шёпотом. — То есть если светящаяся рыба попросит мой номер, я должен отказать.

Я открыла рот, чтобы сказать: «особенно если попросит вежливо».

Кристиан услышал это, кажется, ещё до того, как я успела вдохнуть. Его взгляд стал чуть тяжелее.

Я закрыла рот.

Мариана: один. Я: пока держусь.

После инструктажа нас провели через широкий коридор.

И вот здесь Мариана ударила по-настоящему.

Шлюз был функциональным. Коридор — уже нет.

Он открывался в огромный атриум, который уходил вверх и вниз одновременно. Я остановилась на пороге.

Под прозрачным полом виднелись нижние уровни: мосты, лифтовые шахты, синие огни, маленькие движущиеся фигуры. Над головой — стеклянный купол, за которым была не поверхность, а чёрная вода. Вдоль стен тянулись лаборатории с панорамными окнами. В центре висела вертикальная колонна света — не лампа, а магический интерфейс, многослойная схема, постоянно меняющаяся, как дыхание станции.

Вокруг двигались люди: исследователи, техники, маги, охрана, ассистенты. Никто не бегал. Никто не суетился. Всё текло по маршрутам. Как кровь по сосудам.

Мариана была живая.

И слишком хорошо знала, куда течёт каждая капля.

— Это... — Лиза за моей спиной выдохнула. — Это невероятно.

— Угу, — сказал Тобиас. — И если тут погаснет свет, мы все умрём очень эстетично.

— Не все системы завязаны на свет, — сказал Зик, но звучал неуверенно. — Здесь должны быть резервные контуры. Очень много резервных контуров.

— “Должны” — моё новое нелюбимое слово, — сказала я.

Лиза подняла планшет, но потом опустила.

— Я не знаю, как это записать.

Тина смотрела вверх, на чёрную воду над стеклом.

— Не записывай. Иногда сначала надо посмотреть.

Я посмотрела.

За стеклом проплыла медуза. Огромная, почти прозрачная, с тонкими голубыми нитями. Она скользнула над атриумом, и на секунду её тень прошла по лицам студентов, как чья-то мягкая рука.

Я ждала зова.

Опять.

Ничего.

Тишина здесь была ещё плотнее. Не отсутствие звука — станция гудела, люди говорили, где-то звякали лифты, интерфейс тихо пульсировал. Но под всем этим лежал слой молчания. Глубинный. Неподвижный. Такой, будто Мариана

построила свои стены не вокруг воды, а вокруг этого молчания.

— Кан, — тихо сказал Тимур. — Ты опять ушла.

— Я здесь.

— Физически да. Морально ты уже составила завещание и оскорбила три архитектурных решения.

— Пять.

— Вот. Возвращаешься.

Я выдохнула.

И почти сразу на запястье почувствовала холод.

Сотрудница в чёрной форме подошла к группе.

— Браслеты-модули, — сказала она. — Надеть на левое запястье. Не активировать до команды.

— А если мы уже активировали? — спросил Тобиас, и вся группа повернулась к нему.

Сотрудница посмотрела на его руку.

Браслет на запястье Тобиаса мигнул жалобным голубым.

— Вы активировали модуль до прибытия?

— Он сам.

— Браслет не может сам.

— Вот и я так думал.

Лиза закрыла глаза.

Сотрудница сделала пометку в планшете.

— Ваш модуль будет перекалиброван. Отметка о несвоевременной активации внесена в первичный профиль.

— Уже? — не выдержала я.

Сотрудница посмотрела на меня.

Я тут же вспомнила Кристиана. Не шути. Не спорь. Не злись.

— В смысле, как оперативно, — сказала я с самой невинной интонацией, на которую была способна.

Тимур издал звук, подозрительно похожий на подавленный кашель.

Я взяла свой браслет. Он был лёгкий и неприятно тёплый. Как будто его уже держали.

На секунду мне захотелось бросить его в ближайший

шлюз.

Вместо этого я надела.

Браслет сомкнулся мягко. Без щелчка. Без ощущения замка.

От этого стало хуже.

На внутренней стороне запястья вспыхнула тонкая линия. Потом погасла. Рисунок на предплечье под рукавом ответил короткой волной света.

Сотрудница замерла.

— Ваш артефактный рисунок активен?

— Он не артефактный, — сказала я.

— Отметка: нестандартная реакция на модуль.

— Я даже ничего не сделала.

— Именно, — сказала сотрудница и снова что-то отметила.

Я медленно вдохнула.

Мариана, судя по всему, умела раздражать профессионально.

И только начинала.

Прежде чем вести нас в зал первичной проверки, доктор Велес решил показать маршрут первого дня.

Разумеется, не потому, что студентам нужно было хоть немного прийти в себя после вида города, ввинченного в стену бездны. Нет. По протоколу.

В Мариане всё происходило по протоколу.

И это раздражало сильнее, чем хаос.

Хаос хотя бы признавался, что он хаос. Протокол улыбался, выдавал маршрутную карту и называл себя заботой.

— В течение первых суток вы не покидаете первичный сектор, — говорил Велес, пока мы шли по прозрачной галерее вдоль внешнего стекла. — Ваши комнаты, столовая, первичные лаборатории и зона отдыха находятся на одном контуре давления. Это снижает нагрузку на организм и дар.

— Как мило, — прошептал Тимур. — Они волнуются, чтобы нас не раздавило раньше расписания.

Я не ответила, потому что смотрела наружу.

За стеклом была не вода, а ночь, которая научилась двигаться. Толстые слои чёрного пространства. Вдалеке — огни других модулей. Совсем далеко — тонкие вертикальные линии шахт. Медузы поднимались и опускались вдоль стены впадины, как мысли, которым не дали стать словами.

Стекло было таким толстым, что даже смотреть через него было странно. Оно не просто отделяло от океана. Оно напоминало: между тобой и смертью есть материал, расчёты, магические контуры и чья-то уверенность, что всё это выдержит.

Я не любила зависеть от уверенности людей, которых не знала.

Галерея вывела нас к жилому сектору. Двери открылись беззвучно. Внутри — длинный коридор, тёмный пол, матовые стены, мягкие синие линии у пола. Никаких ковров. Никаких декоративных растений. Никаких странных картин,

которые могли бы сделать место хоть немного похожим на общежитие.

— Каждая группа размещается в блоке из спальных комнат и общей зоны, — сообщил Велес. — Комнаты индивидуальные. После прошлого года были внесены изменения в политику психологической безопасности.

Я почувствовала, как рядом напряглась Лиза.

После прошлого года.

Так теперь называли нашу травму в архитектуре.

— То есть теперь нас не селят в общие комнаты, потому что кто-то наконец понял, что дети после катастрофы могут хотеть закрыть дверь? — тихо спросила я.

— Возможно, — ответила Тина. — Но ещё это удобнее для наблюдения.

Я посмотрела на неё.

— Ты умеешь превращать хорошие новости в правдоподобные угрозы.

— Я не специально.

— Именно поэтому эффективно.

Общая зона группы шесть оказалась неожиданно приличной: круглый стол, мягкие кресла, стена-экран, небольшой кухонный блок, панорамное окно, за которым чернела вода. На столе уже лежали пакеты с их именами. Не подарочные. Инструкционные.

Тимур поднял свой пакет двумя пальцами.

— Если внутри брошюра “Как перестать бояться глубины

за три простых шага”, я уйду в медузы.

Лиза открыла свой.

— Расписание.

— Хуже.

Я тоже взяла пакет. Внутри лежали карта первичного сектора, временный пропуск, перечень правил, список запрещённых зон и маленькая карточка с надписью: «Ваш научный куратор будет назначен после первичной диагностики».

На обороте — пустая строка: «Область интереса».

Я уставилась на неё.

— Область интереса, — прочитала я вслух. — Как будто я кружок выбираю.

— Может, туда надо писать, что тебя интересует, — сказал Тимур. — Например: “не стать экспериментом”.

— Слишком длинно. Напишу: “выживание”.

— Универсально.

Зик рассматривал карту так внимательно, будто пытался сразу найти места, которых на ней нет.

— Здесь странная нумерация уровней, — сказал он.

— Зик, мы только вошли.

— Именно. На официальных схемах обычно не видны противоречия так быстро. Смотрите: жилой сектор помечен как А-3, адаптационные лаборатории — А-4, столовая — А-2. Но лифтовая шахта уходит ниже до А-9, а дальше указан “служебный переход” без номера. Так не делают, если система проектировалась линейно.

— Перевожу для тех, кто хочет прожить счастливую жизнь без схем, — сказал Тимур. — Зик нашёл подозрительный лифт.

— Я не говорил “подозрительный”.

— Но хотел.

Зик не стал отрицать.

Я подошла к окну. Снаружи в воде висели крошечные огни. Сначала я подумала, что это существа. Потом поняла: часть огней двигалась слишком ровно. Дроны. Наблюдатели. Маленькие глаза станции.

За нашей общей зоной тоже кто-то смотрел.

Не обязательно злонамеренно.

Вот это и было неприятно.

— Здесь красиво, — сообщила я, осторожно касаясь стекла пальцами.

— Не трогать внешние стеклянные секции во время смены давления, — автоматически произнесла Лиза.

Я сразу отдернула руку.

— Сейчас смены нет, — сказал Тимур. — Но Лиза уже интегрировалась в систему и готова заменить голосовые оповещения.

Лиза покраснела.

— Я просто запомнила правило.

— Мы любим тебя именно за это. И боимся.

Доктор Велес дал нам десять минут. Десять минут, чтобы оставить лишние вещи, осмотреть комнаты, выпить воды и

“привести эмоциональный фон к базовому уровню”.

Я чуть не спросила, где именно у меня хранится базовый уровень и можно ли заказать новый, потому что старый, кажется, остался в первом классе обычной школы. Но Кристиан стоял в коридоре у входа в блок, и я прямо кожей почувствовала его предупреждение.

Не шути в протоколе.

Я пошла в свою комнату.

Комната была небольшой, но не клеткой. Узкая кровать, стол, шкаф, санитарный блок, окно во внешнюю темноту. На столе — встроенная панель связи. На стене — мягкая линия света. Всё чисто, дорого, функционально. Нигде не было ничего лишнего. Даже пыли.

Я поставила сумку на кровать.

Плюшевая акула выглянула из бокового кармана с видом существа, которое явно не подписывалось на глубоководную исследовательскую практику.

— Не смотри на меня так, — сказала ей я. — Ты сама решила быть эмоциональной поддержкой.

Акула молчала. У неё были сильные позиции в переговорах.

Я подошла к окну.

За стеклом — вода. Не пейзаж. Не вид. Среда. То, что было везде. Я попробовала представить, что открою окно, и сразу отступила на шаг. Глупая мысль. Невозможная. Но тело отреагировало раньше разума.

На подоконнике лежала тонкая полоска металла.

Я нахмурилась. Взяла.

Это был не предмет Марианы. Отец дал мне аварийный артефакт, и он сейчас лежал в кармане сумки. Этот металл был другой: маленькая пластина с едва заметным знаком волны, перечёркнутой вертикальной линией.

Я не успела понять, что это, потому что за дверью посту- чали.

Я быстро спрятала пластину в карман куртки.

— Да?

Вошёл Кристиан.

Один.

Без копья.

От этого комната сразу стала меньше.

— Я не знал, что тебя поселят сюда, — сказал он.

— Утешительно. А то я уже подумала, что ты начал остав- лять загадочные металлические сюрпризы на подоконниках.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Что?

Я замерла.

Ошибка.

— Ничего.

— Кира.

Я достала пластину.

Кристиан взял её, и лицо у него почти не изменилось. По- чти.

Но я уже научилась читать это “почти”.

— Что это? — спросила я.

— Метка старого внутреннего допуска.

— Старого — это насколько старого?

— До моего второго курса.

— Прекрасно. А почему она на моём подоконнике?

Кристиан провёл пальцем по знаку.

— Не знаю.

— Ты говоришь “не знаю” так, будто знаешь достаточно, чтобы не радоваться.

— Это знак технического перехода, которого не должно быть в жилом секторе.

— Конечно. Я только приехала, а у меня уже в комнате предмет, которого не должно быть. Быстро работаю.

Я вернула пластину.

— Никому не показывай пока. Даже Рею.

— Даже Рею?

— Сначала я должен понять, к какому уровню она относится.

— Ты забываешь, что “никому не показывай” после первого курса звучит как начало плохого решения.

Он встретил мой взгляд.

— Не забываю.

Между нами повисла тишина. Не глубинная. Наша собственная. Та, в которой было слишком много того, что мы не проговорили после Бермудского корпуса.

— Ты в порядке? — спросила я.

Кристиан чуть усмехнулся. Без радости.

— Мы уже в Мариане. Здесь это вопрос с подвохом.

— Тогда сформулирую иначе. Тебе плохо?

— Не больше, чем ожидалось.

— Это отвратительный ответ.

— У меня есть хуже.

— Верю.

Он посмотрел в окно, на чёрную воду.

— Я думал, когда вернусь сюда, будет проще. Потому что я уже знаю маршруты, уровни, правила. А оказалось, тело помнит быстрее головы.

— Что именно?

Кристиан молчал так долго, что я почти решила, что он не ответит.

— Что здесь лучше быть удобным, — сказал он наконец.

У меня сжалось горло.

— А ты не будь.

— Очень простая рекомендация.

— Я вообще полна простых рекомендаций. Не становись инструментом. Не слушай отца. Не позволяй станции делать вид, что она умнее твоего страха. Не умирай. Могу оформить списком.

На этот раз он почти улыбнулся.

— Оформи. Лиза проверит.

Я тоже почти улыбнулась.

В коридоре прозвучал сигнал сбора.

Кристиан сразу стал ровнее. Не сильнее. Не спокойнее. Именно ровнее — как поверхность, которую пригладили ладонью.

Я это увидела и возненавидела Мариану ещё чуть-чуть.

— Пойдём, — сказал он.

— В зал первичной проверки?

— Да.

— Где мне активируют браслет и назовут чем-нибудь оскорбительно научным?

— Скорее всего.

— Отлично. Люблю, когда день держит темп.

Мы вышли в коридор. Кристиан шёл на полшага впереди, как проводник. Я — рядом, как человек, который не собирался признавать, что мне нужен проводник.

Но когда мы вернулись в общую зону, Тимур посмотрел на меня и сразу понял, что что-то случилось.

Он ничего не спросил.

Просто встал рядом.

И я впервые за всё время в Мариане почувствовала не наблюдение.

Присутствие.

После активации браслетов нас провели в зону первичного сканирования. Не в лабораторию — нет, слово “лаборатория” было бы слишком честным. Это называлось «зал первичной проверки». Просторная комната с полукруглыми

креслами, прозрачными экранами и мягким синим светом. В стене — огромное окно в чёрную воду. За ним что-то свети-лось и двигалось, но слишком далеко, чтобы понять форму.

Каждого студента просили по очереди встать на круг в по-лу. Свет поднимался снизу, браслет мигал, экран выдавал краткий профиль: имя, группа, основной дар, уровень до-пуска, дополнительные отметки.

Лиза первой прошла сканирование. Экран отобразил:

ЛИЗА ВОРОНЦОВА.

ВТОРОЙ КУРС. ГРУППА ШЕСТЬ.

ПРОФИЛЬ: ФИКСАЦИЯ / ИМЕННОЙ КОНТУР / ДО-КУМЕНТАЦИОННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ.

ДОПУСК: БАЗОВЫЙ РАСШИРЕННЫЙ.

— Документационная устойчивость, — прошептал Ти-мур. — Лиза, тебя признали канцелярским ботом.

— Это не смешно, — сказала Лиза, но глаза у неё блес-нули.

Тимур прошёл следом.

ТИМУР САФИН.

ВТОРОЙ КУРС. ГРУППА ШЕСТЬ.

ПРОФИЛЬ: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ / ГРУППОВОЙ РЕЗОНАНС.

ДОПУСК: БАЗОВЫЙ.

Тимур застыл.

— Простите, — сказал он, — эмоциональная что?

Сотрудник у панели даже не поднял головы.

— Базовое определение предварительного профиля. Уточняется куратором.

— Я думал, мой профиль — плохие шутки и выживание на харизме.

— Возможно, это и есть проявление, — сказал Зик.

— Зик, я сейчас не готов к тому, что ты научно объяснишь мою личность.

Я смотрела на строку «групповой резонанс» и чувствовала неприятное узнавание. Вот так начиналось. С красивого названия. С аккуратного определения. С того, что живого человека превращали в полезную функцию.

Тимур поймал мой взгляд.

И улыбнулся.

Не так широко, как обычно. Чуть напряжённо.

Мол, всё нормально.

Я не поверила.

Тина получила профиль «границы влияния / эмоционально-ментальная чувствительность». Тобиас — «силовая реакция / защитный импульс / высокая первичная отдача». Зик — «системный анализ / техномагическая восприимчивость / повышенная когнитивная нагрузка».

— Повышенная когнитивная нагрузка, — сказал Тимур.

— Зик, твой мозг официально страдает от самого себя.

— Это не новость, — сказал Зик, бледный, но почти довольный.

Потом настала моя очередь.

Я встала на круг.

Свет поднялся снизу. Браслет на запястье стал холодным. Рисунок на предплечье вспыхнул под рукавом, и ткань на секунду стала прозрачной от света.

В зале стало тише.

Я почувствовала взгляды. Сотрудников. Студентов. Группы. Рея у двери. Кристиана, стоящего чуть позади него.

Экран моргнул.

Появилась первая строка:

КИРА КАН

Потом задержка.

Слишком длинная.

Вторая строка:

ВТОРОЙ КУРС. ГРУППА ШЕСТЬ.

Снова задержка.

Браслет на руке нагрелся.

Экран вспыхнул и выдал:

ПРОФИЛЬ: НЕСТАНДАРТНЫЙ БЕРЕГОВОЙ КОНТУР.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ: ПОЗДНЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ / СИРЕННЫЙ СЛЕД / РЕАКЦИЯ НА ХОРОВОЙ КОНТУР / НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННАЯ ГЛУБИНА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

ДОПУСК: РАСШИРЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.

Я смотрела на экран.

Не студентка.

Не девочка.

Не Кира.

Нестандартный береговой контур.

Расширенное наблюдение.

Вот так быстро человек становился строкой.

— Ну, — сказала я в полной тишине, — хотя бы “неидентифицированная” звучит загадочно. Всегда мечтала быть проблемой, которую не успели нормально назвать.

Никто не засмеялся.

Даже Тимур.

Доктор Велес подошёл ближе. Не слишком близко — на расстояние, которое вежливые люди считали уважительным,

а люди с опытом Бермудского корпуса — расчётливым.

— Кира, твой профиль действительно требует расширенного внимания, — сказал он. — Это не наказание и не ограничение. Мы обязаны учитывать обстоятельства позднего пробуждения, контакт с сиренным контуром и участие в событиях прошлого года.

— Участие, — повторила я. — Как будто я записалась на кружок.

Велес не моргнул. Только большой палец снова скользнул по краю манжеты: миллиметр вправо, миллиметр обратно. Он отметил реакцию так аккуратно, что почти сделал вид, будто ничего не произошло.

— Я понимаю, что формулировки могут казаться холодными.

— Нет, что вы. “Сиренный след” звучит очень уютно. Почти как название духов.

Тимур за моей спиной тихо вдохнул, будто собирался рассмеяться и умереть одновременно.

Кристиан у двери не двигался. Но я знала: он сейчас мысленно пишет мне на лбу большими буквами «НЕ ШУТИ».

Поздно.

Велес не повысил голос.

— Ирония — естественная защитная реакция, — сказал он.

Вот.

Вот как это работало.

Ты говоришь фразу, а они забирают у неё зубы, кладут на стекло и подписывают: защитная реакция.

Я почувствовала, как злость поднимается к горлу.

Браслет на запястье мигнул.

На ближайшем экране появилась маленькая строка:

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВСПЛЕСК. УРОВЕНЬ НИЗКИЙ.

— Ой, — сказал Тимур. — Он ябеда.

— Ваш браслет не оценивает вас, — сказал Велес.

— Правда? А выглядит как маленький доносчик.

— Он фиксирует изменения состояния, чтобы куратор мог вовремя предложить помощь.

— В таком случае передайте моему будущему куратору, что помощь можно начать с удаления доносчика.

На этот раз Велес посмотрел уже не только на меня. На Рея.

Рей стоял у двери, скрестив руки на груди, и с таким выражением наблюдал за сценой, будто давно хотел проверить, сколько секунд понадобится Мариане, чтобы начать раздражать меня официально.

— Профессор Рей, — сказал Велес, — возможно, студентке Кан потребуется предварительная беседа до распределения.

— Разумеется, — ответил Рей. — С человеком или с браслетом?

Велес выдержал паузу.

— С научным сотрудником.

— Хорошо. Научному сотруднику стоит начать с того, что Кира после прошлого года не любит, когда её реакцию классифицируют раньше, чем ей отвечают.

В зале стало ещё тише.

Я почувствовала почти неприличное удовольствие.

Рей был взрослым. Это плохо.

Но иногда он был взрослым, который умел направить нож не в ребёнка, а в систему.

Велес улыбнулся. Тонко.

— Именно для этого и существуют кураторы. Чтобы переводить индивидуальные реакции в безопасный образовательный процесс.

— Формулировка записана, — сказала Лиза автоматически.

Все посмотрели на неё.

Лиза покраснела, но планшет подняла.

— Что? Он действительно это сказал.

— Лиза, — прошептал Тимур, — ты наше страшное оружие.

Велес сделал вид, что его не смутила студентка, документирующая его собственную гладкость.

Я шагнула с круга. Браслет снова мигнул, но экран уже погас. Мне хотелось сорвать его. Очень хотелось. Но это было бы слишком красиво, слишком предсказуемо и слишком удобно для строки «импульсивное сопротивление адаптационному модулю».

Я не сорвала.

Просто опустила рукав ниже.

Тимур сразу оказался рядом.

— Нестандартный береговой контур, — сказал он тихо. —

Звучит как группа, которую слушают только очень печальные люди в чёрном.

— Я уже ненавижу название.

— Можно переименовать. Например, “Кира и административные кошмары”.

— Слишком документально.

— “Кира и бездна, которая не попросила разрешения”.

Я посмотрела на него.

— Это уже лучше.

Он улыбнулся.

— Я стараюсь.

Кристиан подошёл не сразу. Сначала дождался, пока Велес отвернётся к следующей группе. Потом встал рядом со мной так, чтобы не закрывать меня от остальных, но перекрыть прямой взгляд сотрудников у панели.

— Ты справилась, — сказал он.

— Я чуть не сказала научному координатору, что его браслет ябеда.

— Ты сказала.

— Значит, справилась плохо.

— Ты не сняла браслет.

— Планка низкая.

— В Мариане иногда это уже победа.

Я посмотрела на него.

— У тебя тоже была такая строка?

— Какая?

— Не “студент”. Что-то вместо тебя.

Он ответил не сразу.

— У меня было: “стабилизационная совместимость”.

Я почувствовала, как всё внутри неприятно опустилось вниз.

Стабилизационная совместимость.

Даже не человек, который умеет держаться. Не мальчик, которому страшно. Не сын, которого отец учит быть идеальным.

Совместимость.

— Звучит как деталь, — сказала я.

— Так и было задумано.

Я хотела что-то сказать. Что-то хорошее. Что-то, что не будет жалостью, потому что Кристиан на жалость реагировал, как глубоководная станция на трещину в стекле: сразу закрывал все шлюзы.

Но в этот момент свет в адаптационном зале мигнул.

Не сильно. Раз.

И тишина под гулом станции вдруг стала плотнее.

Я обернулась к окну.

За стеклом что-то двигалось.

Сначала я решила, что это медуза. Большая, слишком

тёмная, с длинными нитями. Потом поняла: нет. Форма была не такой. Она не плыла. Она будто висела в воде вертикально и поворачивалась очень медленно, как огромная мысль, которой стало интересно.

Существо — если это было существо — не имело лица.

Но я почувствовала взгляд.

Не зов.

Не песню.

Не просьбу.

Внимание.

Браслет на запястье стал ледяным.

На экране рядом с окном сам собой вспыхнул символ: круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Тот же знак, что на пластине в моей комнате.

Кристиан увидел.

Рей тоже.

Доктор Велес обернулся последним.

— Технический сбой, — сказал он слишком быстро.

Я не отводила взгляд от тёмной формы за стеклом.

— Конечно, — сказала я тихо. — В этой школе всё самое живое сначала называют сбоем.

А потом в глубине, за огромным окном зала первичной проверки, тень очень медленно повернулась к свету.

И я впервые поняла: Мариана смотрит не только через людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.